

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.2>

Белоус Людмила Владимировна, Бирагова Фатима Ростиславовна

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЧЕНСКИХ СОБЫТИЙ РУБЕЖА XX-XXI ВЕКОВ В РОМАНЕ А. ПРОХАНОВА "ЧЕЧЕНСКИЙ БЛЮЗ"

Тема статьи связана с предложенной А. Прохановым в одном из батальных романов дилогии о чеченских событиях рубежа XX-XXI веков ("Идущие в ночи" и "Чеченский блюз") художественной концепцией войны. Ее заметные отличия от взгляда на войну в произведениях советской эпохи позволяют говорить о "новой концепции войны" применительно к современной батальной прозе. Главной задачей авторов была попытка на примере одного романа сформулировать и доказать то радикально иное восприятие войны, которое характерно для описываемой боевые столкновения текущей литературы, связанной, как правило, с событиями в Чечне. Понятие "новая концепция войны" дополнено ранее не указанными характеристиками, соотношенными с религиозным восприятием происходивших в Чечне баталей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 11-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 82

Дата поступления рукописи: 30.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.2>

Тема статьи связана с предложенной А. Прохановым в одном из батальных романов дилогии о чеченских событиях рубежа XX-XXI веков («Идущие в ночи» и «Чеченский блюз») художественной концепцией войны. Ее заметные отличия от взгляда на войну в произведениях советской эпохи позволяют говорить о «новой концепции войны» применительно к современной батальной прозе. Главной задачей авторов была попытка на примере одного романа сформулировать и доказать то радикально иное восприятие войны, которое характерно для описывающей боевые столкновения текущей литературы, связанной, как правило, с событиями в Чечне. Понятие «новая концепция войны» дополнено ранее не указанными характеристиками, соотношенными с религиозным восприятием происходивших в Чечне баталлий.

Ключевые слова и фразы: батальная проза; чеченская война; интерпретация; А. Проханов; роман.

Белоус Людмила Владимировна, к. филол. н., доцент

Бирагова Фатима Ростиславовна, к.и.н., доцент

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ

belouslv@yandex.ru; fatima.biragova@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЧЕНСКИХ СОБЫТИЙ РУБЕЖА XX-XXI ВЕКОВ В РОМАНЕ А. ПРОХАНОВА «ЧЕЧЕНСКИЙ БЛЮЗ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 19-512-07001 МОН РЮО_а.

Актуальность изучения современной батальной прозы возрастает с каждым днем в связи с тем, что кавказские войны рубежа XX-XXI веков, которые, собственно, и являются объектом художественного анализа в текстах, относимых к этому типу прозы, требуют серьезного и вдумчивого осмысления, в том числе в литературе. **Научная новизна** темы напрямую связана с обращением к одному из наиболее ярких текстов текущей батальной прозы, к роману А. Проханова «Чеченский блюз» и его осмыслению в критике и литературоведении. **Целью** исследования является попытка уточнить некоторые особенности романа, стилистические предпочтения автора, описать его концепцию чеченских событий рубежа XX-XXI веков. **Задача** материала может быть сформулирована следующим образом: изучить один из наиболее интересных батальных текстов последнего времени и обобщить полученные результаты в рамках «новой концепции войны», резко отличающейся от того, что предлагалось в литературе советского периода, связанной с батальной тематикой. Особенно важной в работе над проблемой явилась попытка уточнить и поправить обвинительные высказывания в адрес автора дилогии о чеченском конфликте в связи с рядом утверждений критиков: о наличии в художественных текстах признаков геноцида того или иного народа, об отсутствии в них разработанных и убедительных образов боевиков и так далее.

«Мне казалось, что афганская война – это последняя, которая была дана мне как бы судьбою, но случилась еще одна – чеченская», – сказал в одном из интервью А. Проханов [4]. Итогом неоднократных поездок писателя и общественного деятеля в район боевых действий стали два романа: «Чеченский блюз» и «Идущие в ночи». А. Сегень поставил эти тексты А. Проханова в ряд «выдающихся литературных произведений второй половины XX века» [7]. Романы представляют собой дилогию, отчетливо прослеживается перекличка между героями, ситуациями, событиями, представленными на страницах этих произведений.

Но не все критики приняли «чеченские» тексты А. Проханова с воодушевлением [9; 10]. Очень жестко о романах этого автора высказывается М. Ремизова. Упреки ее писателю достаточно серьезны: она считает, что Александр Андреевич повествует о Чечне «из кабинета», опорой для него служит соцреализм с его браваурным пафосом и дидактикой, а трактовка чеченских событий представляется слишком прямолинейной. Поэтому проза А. Проханова кажется М. Ремизовой «игрой в солдатики» [6]. Другой критик, А. Урицкий, утверждает, что А. Проханов «создает идеологическую конструкцию, встраивая в нее похожих на марионеток персонажей, глубоко ему, автору, безразличных» [8].

Действительно, чеченские романы А. Проханова созданы в едином стиле. Писатель использует сходные приемы: антитеза («рай – ад»); списки предметов, действий, признаков; публицистические вставки. Еще одна общая черта – наличие в описываемом жизненном пространстве гениев, отрешенных от всего происходящего и оттеняющих этой «невключенностью» ужас окружающей действительности. В «Чеченском блюзе» эту роль исполняет вдруг на несколько строчек появившийся в романе Ростропович, который с неуместной галантностью играл для своей жены серенады Моцарта на очень агрессивном фоне [5, с. 85].

Тексты А. Проханова обязательно содержат аналогии чеченских событий с фактами Великой Отечественной войны. Если в «Идущих в ночи» эпиграф взят из Корана, то в романе «Чеченский блюз» А. Проханов пользуется цитатой из Откровения Иоанна Богослова: «Он был облечен в одежду, обгавленную кровью» [Там же, с. 6]. И в данном случае перекличка тоже очевидна: автор использует два наиболее ярких религиозных произведения в истории человечества.

Посредством эпитафии из Иоанна Богослова устанавливается религиозная связь с Иисусом, который страдал с самого рождения («Чеченский блюз» – это вымышленное воссоздание событий рокового штурма президентского дворца в Грозном в январе 1995 года, случившегося как раз незадолго до Рождества). В контексте Откровения у Иисуса есть предназначение воина, вступающего в победоносное сражение. То есть подразумевается, что все солдаты, которые погибли в чеченской войне, умерли как мученики. Без мученичества не может быть победы.

Оба текста А. Проханова отличаются смелыми экспериментами со временем. Время то сжимается в секунду, в мгновение, то разрастается практически в вечность. Время может «двигаться болезненными рывками» [Там же, с. 106].

А. Проханов строит свои прозаические творения из готовых сюжетных кирпичиков: встреча с истинной женщиной, беззаветной и жертвенной; противопоставление внутренней силы и внешней слабости; выход в метафизическое вселенское пространство, контрастирующее с реальностью; не ожидаемый от конкретного героя подвиг и так далее. Эти кирпичики в разных романах укладываются оригинальными способами, варьируются, обрастают деталями и особенностями. Но они все равно были бы предсказуемы и вторичны, если бы не удивительный по своей красоте, насыщенности и яркости русский язык, которым А. Проханов владеет в совершенстве.

Начинается роман «Чеченский блюз» с одного из наиболее заметных стилистических предпочтений писателя: со списка предметов. Проханов показывает зимнее утро, белесое солнце, прозрачный иней, потом переходит к агрессивным изображениям боевой техники, дальше – более мелкие детали: антенны, штыри, мачты, железные трубы. Все острое, пугающее и недоброе. Заканчивается пейзаж санитарными машинами, тоже весьма символическими [Там же, с. 6].

А. Проханов умело и убедительно с первых страниц романа «Чеченский блюз» нагнетает ощущение тревоги, приближения катастрофы. Первым сигналом становится вид лейтенанта, «неотличимого от солдат своим вульгарным свистом» [Там же, с. 13]. Невозможность распознать офицера, командира на фоне подчиненных ему солдат свидетельствует о том, что людей собирали наспех, «с миру по нитке», они не успели стать командой, боевой единицей, каким-то образом спаянной, сплоченной совместными учениями. Второе, еще более страшное предсказание – пули в качестве новогоднего подарка от насмешливого и бездумного Деда Мороза [Там же, с. 15]. И еще одна тревожная деталь – голова телят, приготовленная для новогоднего угощения и напоминавшая Кудрявцеву, главному герою «Чеченского блюза», кого-то очень знакомого и, что подчеркнуто автором, живого [Там же, с. 16]. Более емким и жестким предупреждением, не оставляющим сомнений в обоснованности тревоги, стала огромная стая ворон, которые создавали вязкое, орущее облако, не пускавшее колонну военной техники вперед, посылая подопечных Кудрявцева сором, пометом и черными перьями: «Природа, окружавшая боевую колонну, о чем-то вещала, говорила с людьми на невидном языке. Люди не понимали его» [Там же, с. 18].

Кульминация тревожных ощущений наступила в «гостеприимном» чеченском доме, когда русские бойцы были уже размякшими и вялыми от угощения и вина. Случившееся потом описано как стихийное бедствие огромной сокрушительной силы: «И в эту пустоту, как в прорубь, в разлом, в промоину, оторвавшую кусок горы, хлынул рев. “Аллах акбар! Аллах акбар!” – взревела невидимая толпа» [Там же, с. 24]. Согласно описанию, на крик чеченцев откликнулись и черное небо, и земля, и заснеженные деревья. Все вокруг вторило: «Аллах акбар!». И рев этих слов напоминал скрежет листов железа: «Крик ударил в застолье, опрокинул укрепленный на тонкой оси неустойчивый мир, перевернул его вверх дном» [Там же].

Для усиления впечатления А. Проханов неоднократно прибегает к натуралистическим описаниям происходящего. К примеру, автор подробно повествует, как откинулась от удара пули голова сержанта, как сама пуля мягко вошла в лоб мужчины, просверлила в нем дыру и погрузилась в мягкий мозг, а из образовавшегося отверстия плеснула темная красноватая жижа; «мордвин упал головой в тарелку, мешая баранью плоть со своим сырым, горячим, смешанным с кровью мозгом» [Там же, с. 25].

Нападение на бригаду в Грозном описано как ад, как мартеновская печь, причем именно город в интерпретации Проханова является основным виновником происходящего. Грозный стискивает войско, сдавливает его, сжимает в своих объятиях, не давая вырваться [Там же, с. 27]. Безусловно, Грозный, который на первых страницах текста возникает как видение, готовое исчезнуть в любой момент [Там же, с. 7], является одним из полноценных героев романа. Город дышит опасностью и злом [Там же, с. 89]. Ощущение грозненского ада поддерживается образом огромной сковородки, озаренной углями. На этой сковородке все брызжет огнем и кошмаром, превращается в обгорелые дымящиеся груды. «Среди этого жарева, ручьев кипятка, жира и слизи была... рота с неопытными неукомплектованными экипажами» [Там же, с. 34-35]. Над грозненским пространством появляется призрак загадочной птицы, жаждущей человеческой крови, чем-то похожей на Асана из одноименного романа Владимира Маканина: «Над площадью в клубах дыма, раздувая кострище, носилось уродливое многокрылое существо, плевало сверху красной слюной, харкало белой слизью, пялило во все стороны выпученные глазищи» [Там же, с. 27].

Ад умножен в прохановском мире. В Москве, у министра обороны, – тоже преисподняя, но иного рода. Это банный жар и алкогольный угар одновременно [Там же, с. 66]. Если есть ад, то в прохановском мире всегда присутствует и рай. Но в романе рай рукотворен и отвратителен. Рай – в доме Бернера, где есть и тропический сад, и экзотические растения, и всевозможных цветов птицы, и яркие рыбки [Там же, с. 83]. Чередование сцен, описывающих чеченский ад и демонстрирующих роскошные столичные тусовки, характерно для обоих романов А. Проханова о Чечне.

В «Чеченском блюзе» показано, как проводят новогоднюю ночь в Грозном и в резиденции банкира Якова Владимировича Бернера. Новый год в войсках празднуется специфически. Елка – это ветка сосны, украшенная сигаретными пачками, крышками от консервных банок, гильзами и так далее. Дед Мороз и Снегурочка – подвыпившие военнослужащие, раздетые по пояс, поющие похабные частушки и сопровождающие свое пение пошловатыми телодвижениями [Там же, с. 11]. Что касается Бернера, то верхом поражающей воображение роскоши является негритянка в павлиньих перьях, выскочившая из огромного яйца [Там же, с. 38].

Среди гостей банкира выделяется фигура генерала, непосредственно связанного с чеченскими событиями. Он мыслит себя следующим Президентом России, заключает политические и деловые соглашения, предлагает себя самым разным, часто идеологически несовместимым группировкам, ездит на смотрины в Америку и Европу, обещает всем все подряд, лишь бы ему дали денег на выборы [Там же, с. 39].

В ходе повествования становится ясно, что новогодний штурм Грозного был напрямую связан с интересами банкира и с теми гостями, которые были приглашены на его новогоднее мероприятие: «Нетронутые войной, законсервированные заводы, сияющие стальные башни, жирные, уходящие в степь трубы, серебряные, похожие на огромные пузыри нефтехранилища – все они должны были перейти в собственность Бернера» [Там же, с. 29]. Так как читатель уже осведомлен о произошедшем в Грозном кошмаре, то разговор банкира с министром обороны, в котором он просит не повредить инфраструктуру нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий, выглядит непростительным кощунством. В уста Бернера автор романа вкладывает несколько собственных мыслей, хотя герой ему явно не симпатичен. К примеру, банкир говорит: «Вся политика напоминает передачу “В мире животных”» [Там же, с. 30].

План банкиров, составной частью которого и была развязанная в Чечне кампания, изложен в одном из многочисленных публицистических отступлений романа. Людей, ответственных за военную политику, согласно этому плану, следовало демонизировать. Войска нужно было представлять либо как брошенных на убой юнцов, либо как палачей и карателей, уничтожающих чеченский народ. Мировое сообщество должно было быть мобилизовано против руководства России.

Романы Проханова, безусловно, излишне политизированы. Пафос их сосредоточен на обвинении руководства страны в тех ужасах, которые пришлось пережить русскому народу в связи с войной в Чечне. Александр Андреевич устами Кудрявцева обвиняет руководство страны в том, что его представители разорили армию; что необученных ребят фактически отправили на смерть; что война никому не была ясна по задачам и целям [Там же, с. 72].

Убедительно создан А. Прохановым образ генерала, руководившего новогодней операцией в Грозном. Первое же его появление в романе сопровождается авторской иронией: читатель видит его расхаживающим в турецких тапочках по карте, расстеленной в штабном шатре в качестве ковра. А. Проханов поясняет, что подобное поведение было характерно для генерала Ермолова, чем герой романа явно особенно гордится [Там же, с. 11]. Генерал сообщает о приказе к наступлению в новогоднюю ночь и связывает это известие с днем рождения министра обороны, для которого выполнение поставленной задачи будет лучшим подарком, что повлечет за собой представления и награды. Реакция на это сообщение офицеров, участвующих в совещании, позволяет сразу классифицировать участников чеченских событий на четыре группы, кратко охарактеризованные автором.

Представители первой группы даже не пытались обсуждать приказ, а думали над тем, как его исполнить. Вторая часть офицеров сетовала по поводу сорванного новогоднего праздника. Третья категория, состоящая по преимуществу из молодых военных, радовалась появившейся возможности отличиться. И последняя группа, осознавая свое несогласие с генералом и министром, не решалась сказать об этом вслух. Особняком стоит Кудрявцев, который аргументированно и убедительно докладывает о своих сомнениях, прося перенести наступление на неделю. Именно Кудрявцев в изображении А. Проханова является идеальным русским офицером, наследником воинских традиций, завещанных предками.

К чудом уцелевшим солдатам Кудрявцев испытывает щемящее жалостливое чувство, он готов заслонить их, принять на себя грозящую им опасность [Там же, с. 48]. Кудрявцев ищет виноватого в гибели бригады. Это может быть генерал, который «на глазах офицеров играл полководца» [Там же, с. 55]; это может быть министр, которому в день рождения в качестве подарка преподнесут телеграмму: «Войска поздравляют министра обороны. Русский флаг на Президентском дворце» [Там же, с. 56]; это может быть предатель в штабе. А еще в качестве возможного виновника Кудрявцев рассматривает себя, потерявшего бдительность и поверившего врагу [Там же].

Сюжет «Чеченского блюза» построен по типу повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...»: попавшие в смертельный переплет бойцы по одному уходят, как правило, совершая подвиг перед тем, как исчезнуть из этого мира навсегда. Гибель каждого героя сопровождается религиозными рассуждениями. Православие является одной из главных тем романа. К примеру, русские воины всех времен объединены в «Чеченском блюзе» молитвой отца Дмитрия [Там же, с. 110].

Интересной особенностью прохановского текста является восприятие войсковых подразделений не как групп очень разных по всем возможным параметрам людей, а как единого целого. Другие «чеченские» тексты лишены подобной черты. Бригада для А. Проханова – не только единое пространство, где любое происшествие или слух передавались из конца в конец практически мгновенно [Там же, с. 7], но и зверь. Бригада может шевелиться, хлюпать, дышать, напрягать свое туловище, недовольно стряхивать с себя землю. Она периодически вылезает из своей берлоги, точит свои острые металллические когти, оставляет на земле «отпечаток огромного тела, сырую потную лёжку» [Там же, с. 16]. Именно такое изображение воинского соединения несколько раз встречается в романе, объединяя сотни судеб российских военнослужащих в одну общую. Чеченская

сторона – тоже «чудище», рыкающее и косматое [Там же, с. 26]. Образ зверя настолько удачен, что автор постоянно к нему возвращается. К примеру, погубившие бригаду Кудрявцева чеченцы, наслаждающиеся видом уничтоженного врага, напоминают ему первобытных охотников, окруживших убитого мамонта: они греются у пожара, созерцают свою добычу, раздумывают, как с ней правильнее поступить [Там же, с. 37].

А. Проханов – мастер уникальных деталей: куст шиповника с красными ягодами, посыпанный обильным снегом [Там же, с. 18]; лозунг «Мы строим коммунизм!» на стене полуразрушенного грозненского здания [Там же]; чудом уцелевшие в убитом городе карусели и качели [Там же, с. 19]; красная скатерть на древке, выставленная в качестве флага в окно отчаявшегося, погибающего дома, в котором прячутся русские бойцы [Там же, с. 83]. Символична также попытка «отнять» у погибшего сослуживца, с которым Кудрявцев постоянно ссорился при его жизни, автомат. Эта странная сцена выглядела как продолжение ссоры, хотя один из ее участников был уже мертв [Там же, с. 45]. Стекло рыбка у оставшейся в доме и чудом уцелевшей Анны воспринимается как знаменитая пушкинская золотая исполнительница желаний [Там же, с. 92].

Много в романе страшных и одновременно привлекательных в своей осязаемости метафор. Например, недавно взорванный танк, лишенный башни, напоминает о кастрюле, где что-то варится. В круглой дыре от слетевшей башни танка, как в железном котле, продолжало булькать какое-то варево, «и было страшно заглянуть в черную дыру, в развороченный живот танка, где в перерезанных кишках продолжалось пищеварение» [Там же, с. 45].

Автор крайне избыточен в используемых выразительных средствах. Часто он внедряет в текст сразу несколько развернутых сравнений, наползающих друг на друга и даже мешающих друг другу и читателям: «Лодка, на которой плывут. Волны в борту. Вверх, вниз. Вверх, вниз. Красные лопасти весел. Яркий бурун воды, тугий упругий шлепок, кидаящий лодку вперед. Прозрачная синеватая пыль, сорванная ветром с волн... Лыжи. Бегут по холмам. Вверх, вниз. Вверх, вниз. Красные копыта мечутся, пронзают лыжню. Долгий сладкий полет. Из горячего света в прохладную синюю тень, ломая на лету хрупкую ветвь бузины... Качели от неба к земле. Вверх, вниз. Вверх, вниз. Облако с темной птицей. Озеро в блеске воды. И толкая качели вперед, чувствуя свою невесомость, – такое ликование и счастье...» [Там же, с. 92].

Один из новаторских приемов, использованных А. Прохановым, выглядит так: он описывает то, что было, переходя последовательно от предмета к предмету, а потом, тоже последовательно, перечисляет то, что стало (или то, чего не стало) после взрывов, выстрелов, ударов: «Кудрявцев прижимался к стене, искал глазами свою роту, выстроенные в ряд с интервалами боевые машины пехоты, которые он безрассудно оставил, поддавшись на уговоры чеченцев. Туда, к машинам, к оставленным солдатам, хотел он пробиться, выглядывая бортовые номера. Но не было роты, не было интервалов, не было построенных в колонну машин» [Там же, с. 26].

Писатель, что не просто естественно, а неизбежно в разговоре о войне, пользуется флэш-бэками, то есть временными воронками, позволяющими перенестись в довоенную, мирную, теплую и желанную реальность. Кудрявцев, к примеру, наблюдая за тем, как его подчиненные празднуют наступающий Новый год, воспроизводит в памяти эпизод из своей школьной жизни, связанный с его влюбленностью в учительницу.

Важным элементом текстов русских авторов о чеченской войне является восприятие врага – представителей чеченского этноса. Мнение о чеченцах в романе А. Проханова разнится в зависимости от того, кто его высказывает. Самое распространенное сравнение чеченцев в текстах современных авторов – это сравнение с хищниками, особенно с волками. Подстреленный Кудрявцевым чеченец, которого автор условно называет «профессором», ведет себя именно как представитель или даже вождь волчьей стаи: он подползает к русским, поднимает к окнам глаза и поет что-то тоскливое, похожее на вой волка [Там же, с. 70].

Чеченцы изображены мастерскими лгунами и искусителями. Чтобы забрать труп своего лидера, они используют и пленных, и женщин, и уговоры, и подкуп, и лесть, и устрашающие речи, и заведомо невыполнимые обещания.

В сцене встречи российских военных на улицах опустевшего Грозного происходит поначалу странное для читателя смещение: А. Проханов делает все для того, чтобы простые жители города, чеченцы, стали приятны, симпатичны и вызвали бы уважение. А некоторые русские бойцы, к примеру, тот, кто изображал Снегурочку, напротив, вызвали бы отторжение, потому что их действия описаны с использованием хищнической терминологии: «Сейчас контрактник набивал рот мясом, по-собачьи глотал непрожеванные куски, давился, но не мог оторваться от еды. Снова набивал щеки, словно боялся, что чудо кончится и его, не успевшего утолить голод, уведут из-за стола» [Там же, с. 23]. Как оказалось потом, чеченцы очень умело и коварно изображали то, что им хотелось изобразить, подтверждая мнение о бесконечной, утонченной и даже изысканной восточной хитрости [Там же, с. 24]. Но от того, что автор сначала заставил читателя, как и своих героев, поверить им, их предательство становится еще более горьким.

Анализируя сцену фальшивого гостеприимства чеченцев, А. Бродски в статье «Чеченская война в зеркале современной российской литературы» упрекает А. Проханова в том, что он «разрушил представление о чеченском гостеприимстве» [1]. Американский профессор в основе произведения видит лишь миф, единственной целью которого является «доказать, что чеченцы – вероломные, растленные, примитивные существа» [Там же]. У А. Бродски есть целый ряд оппонентов. М. Евдокимова пишет: «На наш взгляд, столь категоричное мнение А. Бродски по отношению к А. Проханову несправедливо и требует пояснения, так как писатель в своих высказываниях неоднократно говорит о двойственном отношении к чеченцам» [2]. Ю. Кулагин в книге «Postscriptum. Хроника выживания» тоже высказывает сходное мнение, доказательно настаивая на «точности» А. Проханова при описании коренных жителей Грозного [3].

О двойственности, пожалуй, говорить было бы слишком категорично, но о некоторых сомнениях А. Проханова в склонности чеченцев к предательству было бы правильно упомянуть. В этом смысле интересна наиболее емкая характеристика представителя чеченского этноса, вложенная в уста проницательного Бернера: «Таинственное сочетание силы, любезности, вероломства, утонченного презрения, готовности уступить, оказать высшую почесть и тут же зарезать, проведя клинком по горлу» [5, с. 101]. В романе «Идущие в ночи» эта тема продолжена образом полусумасшедшего чеченского художника Зии, который представлен как оправдание своего этноса; как человек, способный стать примирителем воюющих сторон.

А. Проханов никогда не забывает перевести взгляд вверх, в звездное, облачное или чистое небо: «В небе, среди туч, как проруби, стали открываться прогалы, полные звезд. Ветер ровно задул, относя тучи, и вдруг стало ясно. Сочно, морозно вспыхнули звезды, близкие, белые, своими орнаментами и узорами, и отдаленные, размытые, как сгустки туманностей, как неразличимая мерцающая пыльца. Над плоской бесцветной землей расцвели бесконечные миры и туда в бесконечность, улетал его тоскующий взгляд» [Там же, с. 89]. Кудрявцев играет с вселенной, проверяет свое умение воздействовать на нее, заставляет выбранную звезду то расти, то уменьшаться, то оживать, то затихать, выделять разноцветные вспышки и беседовать с ним, с человеком.

Герой, по авторской задумке, вписывая себя в мир, лишается самостоятельной ценности, служит «таинственной, находящейся за пределами понимания» [Там же, с. 90] цели. Он не может понять, как устроен мир, как связаны между собой звезды, к примеру, и его испуганное сердце [Там же]. Дальше происходят еще более странные события: сознание начинает выбирать из прошлого какие-то забытые моменты, будто вселенная играет с героем, извлекая из копилки то один, то другой эпизод. И возникает ощущение, что такое когда-то уже с ним было, случалось и происходило.

Интересен взгляд священника в молитвенном просветлении на собственного сына, его командира и чудом попавшую в их компанию Анну. Взгляд этот – за многие сотни километров, и он направлен сверху вниз, то есть вселенная через церковь отвечает на вопросы и молитвы попавших в смертельную опасность героев романа, очень похожих на святое семейство: он, она и юноша, которому уже пришлось многое пережить.

Вертикальные «линии» в тексте выводят описанное в плоскость самых важных для человечества проблем и идей, затрагиваемых А. Прохановым, а роман «Чеченский блюз» превращают в одно из философски насыщенных произведений о чеченских событиях.

Список источников

1. Бродски А. Чеченская война в зеркале современной российской литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/br22.html> (дата обращения: 24.01.2019).
2. Евдокимова М. «Случилась еще одна – чеченская...» (о романах А. Проханова «Чеченский блюз» и «Идущие в ночи») // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 50-53.
3. Кулагин Ю. Postscriptum. Хроника выживания [Электронный ресурс]. URL: <http://sonic-boom.narod.ru/postscriptum.htm> (дата обращения: 27.01.2019).
4. Проханов А. Воинская церковь-надгробие [Электронный ресурс]. URL: http://rd.rusk.ru/98/rd11/home11_5.htm (дата обращения: 24.01.2019).
5. Проханов А. Чеченский блюз // Роман-газета. 2001. № 5 (1395). С. 1-118.
6. Ремизова М. Свежая кровь [Электронный ресурс] // Новый мир. 2002. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2002/6/rem.html (дата обращения: 20.02.2019).
7. Сегень А. Доклад на Пленуме Союза писателей России в декабре 2002 года [Электронный ресурс]. URL: <http://sp.voskres.ru/news/n021215-2.htm> (дата обращения: 03.02.2019).
8. Урицкий А. Аркадий Бабченко. Алхан-Юрт; Десять серий о войне. Хроники локальной войны [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/9/uric.html> (дата обращения: 24.01.2019).
9. Хулин А. Снять нельзя воскресить [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/HULIN/chechnya.txt> (дата обращения: 04.03.2019).
10. Чудинов А. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 5. С. 245-290.

ARTISTIC CONCEPTION OF THE CHECHEN EVENTS OF THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES IN THE NOVEL “THE CHECHEN BLUES” BY A. PROKHANOV

Belous Lyudmila Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Biragova Fatima Rostislavovna, Ph. D. in History, Associate Professor
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz
belouslv@yandex.ru; fatima.biragova@gmail.com

The article considers the artistic conception of war suggested by A. Prokhanov in one of his war novels of the dilogy (“Those Marching through the Night” and “The Chechen Blues”) about the Chechen events of the turn of the XX-XXI centuries. This conception differs cardinally from the vision of war in the Soviet literature, and these differences indicate the formation of a “new conception of war” in the modern war prose. By the example of one particular novel, the authors try to formulate and justify a radically different perception of war typical of the current war literature usually associated with the Chechen events. The term “new conception of war” acquires new characteristics associated with religious perception of the Chechen war battles.

Key words and phrases: war prose; Chechen war; interpretation; A. Prokhanov; novel.